

Благодарности

Написать книгу — задача очень непростая, похожая на покорение вершины, до которой, как поначалу кажется, добраться невозможно. Но как бы ни был сложен творческий процесс, всегда ободряет и утешает мысль о том, что рядом с тобой коллеги и друзья. Большое спасибо моему несравненному агенту Мег Рули и всему коллективу Литературного агентства Джейн Ротрозен. Вы всегда были моей путеводной звездой. Я благодарна своему потрясающему редактору Линде Марроу, которая заставит блистать любого писателя, Джине Сентрелло за ее неугасающий восторг и Джилли Хейлперн за любезное внимание. А еще — Селине Уокер из издательства «Трансуорлд», что находится по ту сторону океана, за неослабевающую поддержку.

И наконец, я должна поблагодарить человека, который был рядом дольше всех. Мой муж Джекоб лучше других знает, как тяжело быть супругом писательницы. Но он по-прежнему со мной.

Уничтожь все души незаконнорожденных и сынов стражей, потому что они стали причиной того, что люди начали поступать нечестиво.

*Книга Еноха, X: 14–15,
древний еврейский текст, II в. до Р. Х.*

«Какая образцовая семейка!..»

Так думал мальчик, стоя возле зияющей могилы своего отца и слушая, как приглашенный священник зачитывал избитые строфы из Библии. В тот жаркий, муторный июньский день оплакать смерть Монтагю Соула пришла лишь жалкая кучка людей, человек десять, — многих из них мальчик уже встречал раньше. Однако последние полгода он провел вдали от дома, в школе-интернате, и некоторых видел впервые. Впрочем, большинство присутствующих его совершенно не интересовало.

Зато дядюшкино семейство очень даже интересовало. Он не сводил с них глаз.

Доктор Питер Соул как две капли воды походил на своего покойного брата Монтагю: такой же сухощавый, с виду интеллигентный, в свиных очках, с темными, заметно редющими волосами. Его жена Эми, с круглым приятным лицом, тревожно поглядывала на пятнадцатилетнего племянника мужа и крепко прижимала его к себе, словно стараясь утешить в своих объятиях. Их десятилетний сын Тедди был совсем худосочный — кожа да кости. Точная копия доктора Соула, только маленькая, и тоже в свиных очках.

Наконец, была с ними и Лили. Их шестнадцатилетняя дочь.

От жары завитки ее волос, выбившиеся из хвоста, прилипли к лицу. Она как будто чувствовала себя неловко

в черном платье — беспрестанно вертелась и, казалось, была готова сорваться с места и бежать куда глаза глядят. Она, наверное, предпочла бы оказаться в любом другом месте, только не на кладбище, где приходилось то и дело отмахиваться от назойливых букашек.

«Они такие простые, такие обыкновенные, — думал мальчик. — И так не похожи на меня». Тут его глаза встретились с глазами Лили, и он вздрогнул. Оттого что угадал в ней родственную душу. В тот миг он даже почувствовал, как ее взгляд погружается в самые мрачные глубины его сознания и ощупывает там самые потайные уголки, куда еще не проникал ни один другой взгляд. Потому что он никому бы этого не позволил.

В тревоге он отвел глаза в сторону. И принялся разглядывать остальных людей, обступивших могилу. Домработницу отца. Адвоката. Двух соседей. И просто знакомых, оказавшихся здесь скорее из соображений приличия, нежели из чувства сострадания. О Монтагю Соуле они знали только, что он скромный ученый, недавно вернулся с Кипра и все время ковырялся в своих книжках и картах да глиняных черепках. На самом же деле они совсем его не знали. Как, впрочем, и его сына.

Наконец отпевание закончилось, и все сборище, похожее на расплывшуюся амэбу, медленно поползло к мальчику, готовясь засыпать его словами сочувствия и соболезнованиями по поводу смерти отца. Постигшей его почти сразу же по прибытии в Штаты.

— Во всяком случае, у тебя есть родня, она поможет, — сказал священник.

«Родня? Да уж конечно», — подумал мальчик, глядя на робко приближающегося малыша Тедди, которого сзади подталкивала мать.

— Теперь ты будешь моим братом, — сказал Тедди.

— Я?

— Мама уже приготовила тебе комнату. Рядом с моей.

— Я остаюсь здесь. Буду жить в отцовском доме.

Тедди, сбитый с толку, поглядел на мать:

— Разве он с нами не поедет?

Эми Соул тотчас спохватилась:

— Да как же ты будешь тут один, дорогой! Тебе только пятнадцать. А в Пьюрити тебе, может, так понравится, что ты и уезжать-то никуда не захочешь.

— Моя школа в Коннектикуте.

— Да, но ведь учебный год уже закончился. В сентябре, если захочешь обратно в свой интернат, что ж, пожалуйста. А лето погости у нас.

— Я не буду тут один. Ко мне приедет мама.

Повисла долгая тишина. Эми с Питером переглянулись, и мальчик живо смекнул, о чем они подумали. «Мать давно его бросила».

— Она обязательно приедет за мной, — стоял он на своем.

Тогда дядя Питер мягко заметил:

— Поговорим об этом после, сынок.

Ночью мальчик лежал не смыкая глаз в постели, в отцовском доме и прислушивался к голосам тетушки и дядюшки, шептавшимся внизу, в кабинете. В том самом, где Монтагю Соул корпел последние месяцы над переводом какого-то жалкого клочка папируса. В том самом, где пять дней назад его хватил удар и он умер прямо за рабочим столом. «Этим людишкам не пристало быть там, среди отцовских сокровищ, — думал мальчик. — Они чужие в моем доме».

— ...он же совсем еще ребенок, Питер. Ему нужна семья.

— Не силком же нам тащить его в Пьюрити, раз он не хочет.

— В пятнадцать лет не тебе выбирать — за тебя решают взрослые.

Мальчик встал с постели, тихонько вышел из комнаты. Спустившись по лестнице, он остановился на полпути к кабинету и стал слушать дальше.

— ...а много ли взрослых он знал? Братец твой не в счет. Он же с головой закутывался в свои ветхие пелены, точно мумия, и как будто не замечал, что у него под боком ребенок.

— И как только у тебя язык поворачивается говорить такое, Эми? Брат был хороший.

— Хороший, да бестолковый. Ума не приложу, какой женщине могло взбрести в голову родить от Монти ребенка. А потом оставить мальчишку ему на воспитание! Представить себе не могу женщину, способную на такое.

— Монти воспитал его совсем не плохо. Мальчик в школе круглый отличник.

— И на этом основании ты считаешь братца хорошим отцом? Только потому, что мальчишка круглый отличник?

— К тому же мальчик вполне уравновешенный. Вспомни, как он держался на похоронах.

— Да он просто оцепенел, Питер. Ты заметил за весь день хоть тень волнения у него на лице?

— И Монти был такой же.

— Ты имеешь в виду — хладнокровный?

— Нет, разумный. Рассудительный.

— Да за всем этим у мальчишки, сам знаешь, скрывается горе. Мне жалко его до слез, ведь именно сейчас мать нужна ему, как никто другой. Он упорно считает, что она за ним вернется, но мы-то знаем, что этому не бывать.

— Ничего мы не знаем.

— Мы даже ни разу не видели эту женщину! Единственно, Монти однажды написал из Каира — сообщил, что у него откуда ни возьмись появился сын. Как будто он нашел его в тростнике, словно младенца Моисея...

Тут мальчик услышал, как у него над головой скрипнули половицы, — он глянул вверх, на лестничную площадку. И вздрогнул, заметив, что через перила на него смотрит

двоюродная сестра Лили. Она наблюдала за ним, разглядывала его, как невиданную, диковинную зверушку, будто пытаясь понять, опасен он или нет.

— О! — вдруг воскликнула тетя Эми. — Да ты не спишь!

Они с дядюшкой только что вышли из кабинета и, остановившись внизу, у лестницы, смотрели на него. Смотрели с той же едва уловимой тревогой, словно боялись: что, если он ненароком услышал их разговор.

— Как ты себя чувствуешь, дорогой? — спросила Эми.

— Хорошо, тетюшка.

— Уже довольно поздно. Может, пойдешь обратно в постель?

Но он не шелохнулся. Стоял на лестнице и думал, какво оно будет жить с этими людишками. Чему у них стоит научиться. Лето можно провести очень даже интересно, а потом за ним приедет мама. И тогда он сказал:

— Тетя Эми, я все решил.

— Ты это о чем?

— О лете и о том, где бы мне хотелось его провести.

Она вдруг предположила самое худшее.

— Только, прошу, ничего не решай второпях! Дом у нас и правда чудесный, стоит у самого озера, и у тебя будет своя комната. Приезжай для начала просто в гости, а там посмотришь.

— Но я уже решил — еду с вами, буду жить у вас.

Тетя вдруг смолкла в нерешительности, словно язык проглотила. Затем ее лицо озарилось улыбкой, она быстро поднялась по лестнице и крепко его обняла. От нее пахло мылом «Дав» и шампунем «Брек». Какая же она все-таки простая — самая обыкновенная! Потом подошел улыбающийся дядя Питер и ласково похлопал его по плечу, приветствуя таким вот своеобразным жестом новообращенного сына. Своими счастливыми улыбками, приторно-липкими, как волокна сахарной ваты, они заманивали его в свой мир, где царили любовь, свет и радость.

— Дети будут просто счастливы, когда узнают, что ты едешь с нами! — воскликнула Эми.

Он глянул наверх — на лестничную площадку, но Лили там уже не было. Она исчезла незаметно. «С ней надо быть начеку, — решил мальчик. — Она точно следит за мной».

— Теперь ты член нашей семьи, — прибавила Эми.

И пока они все вместе поднимались наверх, она уже строила планы на лето. Говорила, куда они его повезут, какой вкуснятиной будут угощать, когда вернутся домой. Она выглядела счастливой, словно и впрямь была на седьмом небе, как мать, воркующая с новорожденным младенцем.

Эми Соул даже не представляла себе, кого они собирались взять с собой.

2

Двенадцать лет спустя

Быть может, это ошибка.

Доктор Маура Айлз стояла у церкви Пресвятой Богородицы и все никак не решалась войти. Прихожане уже давно собрались внутри, а она так и стояла одна во мгле, под снегом, с непокрытой головой. Через закрытую дверь церкви она слышала, как зазвучал орган, как раздались первые аккорды «*Adeste Fidelis*»¹, и поняла: все, наверное, уже рассаживаются по местам. Так что, если она хочет к ним присоединиться, пора и ей идти внутрь.

Она немного поколебалась, потому что не принадлежала в полном смысле слова к числу верующих, собравшихся в церкви. Но музыка, надежда согреться и знакомые обряды, способные ободрить и утешить, звали ее. Здесь же, на темной улице, ей было одиноко. Одиноко — в сочельник.

Она поднялась по ступенькам паперти и вошла в здание.

Даже в столь поздний час все скамьи в церкви были заняты: люди сидели семьями, вместе со спящими детишками, которых подняли с постелек ради полуночной мессы. На запоздавшую Мауру покосилось несколько прихожан, и, когда стихла волнующая мелодия «*Adeste Fidelis*», она про-

¹ «*Adeste Fidelis*» — «Приидите, верные», рождественский гимн (лат.). — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. перев.

шмыгнула на первое попавшееся свободное место в задних рядах. Но ей почти сразу же пришлось снова встать вместе со всей паствой, поскольку зазвучала вступительная песнь. И к алтарю, творя крестное знамение, подошел отец Даниэл Брофи.

— Да пребудет с вами благодать и мир Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа! — возгласил он.

— И с вами, — проговорила Маура в один голос с остальными прихожанами.

Даже после стольких лет, что она не была в церкви, отклики слетали с ее губ непринужденно: она помнила все с детства, когда ходила в воскресную школу.

— Господи, помилуй. Христе, помилуй. Господи, помилуй...

Даниэл даже не догадывался, что она здесь, а Маура была сосредоточена на нем одном. На его темных волосах и легких движениях, его сочном баритоне. «Сейчас я могу смотреть на тебя без всякого стыда и стеснения, — думала она. — Сегодня это не зазорно».

— Воздай нам радость в Царствии Небесном, где Он пребывает и властвует с Тобою и Духом Святым, Боже единый во веки веков...

Снова примостившись на скамье, Маура услышала глухое покашливание и хныканье измотанных детишек. На алтаре мерцали свечи в ознаменование света и надежды, осиявших эту зимнюю ночь.

Даниэл начал читать:

— «И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям...»

«Святой Лука, — подумала Маура, услышав знакомые строфы. — Врач Лука».

— «...И вот вам знак: вы найдете Младенца в...»

Тут он осекся: взгляд его остановился на Мауре. И она подумала: «Что, не ожидал увидеть меня здесь сегодня?»

Он откашлялся — и стал читать дальше:

— «...вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях».

Хотя теперь он знал, что она сидит среди других прихожан, их взгляды больше не встретились. Ни во время исполнения «*Cantate Domino*»¹ и «*Dies Sanctificatus*»², ни во время дароприношения и таинства евхаристии. Когда сидевшие рядом с ней прихожане встали и направились причащаться, Маура осталась на своем месте. Если не веришь — не пристало лицемерить, деля гостию и вино с истинно верующими.

«Тогда зачем я здесь?»

И все же она осталась посмотреть на заключительные обряды, на благословение и напутствие прихожанам.

— Идите с миром, Христос с вами.

— Слава Тебе, Господи, — откликнулись прихожане.

На этом служба закончилась, и люди вереницей потянулись к выходу, застегивая на ходу пальто и куртки, натягивая перчатки. Маура тоже встала и, уже ступив в проход между рядами, заметила, что Даниэл старается привлечь ее внимание. Безмолвно умоляя не уходить. И она снова села, ощущая на себе взгляды проходящих мимо прихожан. Она догадывалась, что они видят, вернее, что пытаются разглядеть. Одинокую женщину, жаждущую пасторского утешения в сочельник.

А может, они заметили еще что-нибудь?

Маура не поднимала на них глаз. И когда церковь почти опустела, взгляд ее устремился вперед — и остановился на алтаре. И она подумала: «Уже поздно, пора бы домой. Да и что толку здесь высидивать».

— Здравствуй, Маура.

Она подняла глаза и поймала взгляд Даниэла. В церкви все еще оставались люди. Органистка собирала ноты, послед-

¹ «*Cantate Domino*» — «Воспойте Господу», 98-й псалом (лат.).

² «*Dies Sanctificatus*» — «Юбилей», рождественская песнь (лат.).

ние хористы облачались в свои пальто, но Даниэл не обращал на них внимания — он смотрел только на Мауру, как будто, кроме нее, в храме больше никого не было.

— Ты давно не приходила, — сказал он.

— Похоже, что так.

— Если точно — с августа. Верно?

«Ты, значит, месяцы считал».

Он присел рядом.

— Я был приятно удивлен, когда увидел тебя здесь.

— Сегодня сочельник, в конце концов.

— Так ты же неверующая.

— Зато люблю церковные обряды и пение.

— И только поэтому пришла? Ради двух-трех гимнов?

Пропеть «Аминь» и «Хвала Господу»?

— Просто хотелось послушать музыку. Побывать среди людей.

— Только не говори, что тебе не с кем скоротать вечер.

Она пожала плечами и улыбнулась:

— Ты же знаешь, Даниэл. Я не большая любительница вечеринок.

— Просто я решил... В смысле — подумал...

— Что же?

— Что, наверно, ты будешь не одна. В такой-то вечер.

«А я не одна. Я же с тобой».

Когда мимо проходила органистка с большой нотной папкой, они оба замолчали.

— Доброй ночи, отец Брофи.

— Доброй ночи, госпожа Истон. Спасибо за чудесную игру.

— Рада была доставить удовольствие, — сказала органистка, напоследок пристально глянув на Мауру, и направилась к выходу.

Было слышно, как за ней закрылась дверь, — наконец-то они остались одни.

— Так куда ты запропастилась? — спросил он.

— Ну, сам знаешь, сплошные покойники. Их не становится меньше. Потом, один из наших патологов пару недель назад загремел в больницу, в хирургию, с болями в спине — приходится его подменять. Словом, дел по горло, так-то вот.

— Могла хотя бы позвонить.

— Да, могла.

Он тоже мог, но не позвонил. Даниэл Брофи ни за что не переступил бы черту дозволенного, и, наверное, это было правильно. Ей было достаточно собственного искушения, которого с лихвой хватило бы и на двоих.

— А как у тебя дела? — спросила она.

— Месяц назад отца Роя хватил удар — может, слышала? Пришлось подвизаться еще и полицейским капелланом.

— Да, детектив Риццоли рассказывала.

— Пару недель назад я выезжал на место преступления в Дорчестер. Где застрелили полицейского. Я тебя там видел.

— А я тебя не видела. Мог бы и поздороваться.

— Ну, ты же была занята. Вся в делах, как обычно, — улыбнулся он. — А ты бываешь довольно суровой, Маура. Знаешь?

Она усмехнулась:

— Наверно, отсюда и мои проблемы.

— Проблемы?

— Я отпугиваю мужчин.

— Но меня-то ты не отпугнула.

«Да разве можно? — подумала она. — Тебя ничем не прошибешь».

Маура мельком взглянула на часы и встала.

— Уже поздно, я и так отняла у тебя слишком много времени.

— Нисколько, да и срочных дел у меня нет, — сказал он, провожая ее к выходу.

— В твоей пастве столько душ, и за всеми нужно присматривать. К тому же сегодня сочельник.

— Как видишь, я никуда не спешу.

Маура остановилась. И посмотрела на Брофи. Они стояли в церкви одни, вдыхая запах свечного воска и ладана, знакомый запах детства — таких же сочельников и таких же рождественских служб. Когда появление в церкви еще не вызывало у нее такого душевного смятения, как сейчас.

— Спокойной ночи, Даниэл, — сказала она, поворачиваясь к двери.

— Значит, до новой встречи через четыре месяца? — крикнул он ей вслед.

— Не знаю.

— А я так соскучился по нашим беседам, Маура.

Она снова остановилась, подняв руку и уже собираясь открыть дверь.

— И я тоже. Наверно, поэтому нам больше нельзя беседовать.

— Но ведь мы не сделали ничего предосудительного.

— Пока нет, — тихо проговорила она, глядя не на него, а на тяжелую резную дверь, которая закрывала ей выход.

— Маура, давай не будем бросать все вот так. Разве нельзя поддерживать что-то вроде... — Он вдруг осекся.

Зазвонил сотовый телефон.

Доставая его из сумочки, Маура подумала: телефонный звонок в такое время не сулит ничего хорошего. Ответив на вызов, она ощутила на себе взгляд Даниэла. И ее бросило в дрожь.

— Доктор Айлз, — проговорила она нарочито сухим голосом.

— Счастливого Рождества! — сказала детектив Джейн Риццоли. — Я немного удивилась, не застав тебя дома в это время. Сперва я позвонила туда.

— Я на полуночной мессе.

— Бог ты мой, уже час ночи. Служба что, еще не закончилась?

— Да, Джейн. Закончилась, я уже собралась домой, — ответила Маура тоном, пресекающим дальнейшие расспросы. — Что там у тебя? — тут же спросила она. Потому что уже знала, ей позвонили не за здорово живешь, — значит, она снова понадобилась.

— Адрес — два-десять, Прескот-стрит. Восточный Бостон. Частный дом. Мы с Фростом тут уже с полчаса.

— Подробности?

— Жертва предположительно одна — молодая женщина.

— Убийство?

— Ну да.

— Звучит самоуверенно.

— Приедешь — сама увидишь.

Маура нажала на отбой и заметила, что Даниэл все еще наблюдает за ней. Однако время рискнуть и наговорить друг другу кучу слов, о которых потом пришлось бы сожалеть, было упущено. Этому помешала смерть.

— Дела зовут?

— Я сегодня работаю. — Она сунула телефон обратно в сумочку. — У меня же здесь из родственников никого, вот я и записалась в добровольцы.

— Именно сегодня ночью?

— Какая разница — подумаешь, Рождество!

Она застегнула воротник пальто и вышла из церкви в ночь. Даниэл пошел следом, остановился у порога и смотрел, как она идет по свежеснеженному снегу к машине; его белую ризу трепал ветер. Оглянувшись, Маура увидела: он поднял руку и машет ей на прощание.

Он продолжал махать ей вслед даже после того, как ее машина уже тронулась.

Э

Сквозь тончайшую пелену падающего снега пробивались мигающие синие огни трех патрульных полицейских машин, давая знать всем проходящим мимо только одно: здесь что-то случилось, что-то ужасное. Маура почувствовала, как царапнула передним бампером по льду, когда припарковывала «лексус» поближе к сугробу, чтобы освободить проезд другим машинам. Впрочем, в такой час, да еще в сочельник, здесь, на узкой улочке, могли появиться разве что такие же машины, как ее, — из свиты Смерти. Какое-то время она собиралась с духом перед долгой, изнурительной работой, глядя точно зачарованная на мерцающие тут и там проблесковые огни. Ноги у нее окоченели, кровь в жилах застыла. «Очнись! — велела она себе. — Пора за работу».

Маура вышла из машины, и резкий порыв холодного воздуха мигом освежил ей голову. И она пошла по свежеевпавшему снегу, шуршавшему у нее под ногами, словно ковер из белых перьев. Хотя было уже полвторого ночи, в некоторых домах на улице, с виду довольно скромных, горел свет, и в одном окне, украшенном праздничными фигурками летящих оленей и конфетами, она заметила силуэт любопытствующего соседа — он выглядывал из теплого дома в ночь, которая уже не была ни тихой, ни святой.

— Эй, доктор Айлз! — окликнул Мауру патрульный. Смутно знакомый полицейский в годах. Зато он ее опреде-

ленно признал. Они все ее узнавали. — Как же это вам так повезло сегодня, а?

— То же самое можно спросить и у вас, офицер.

— Похоже, нам достался несчастливый билет, — улыбулся он. — С Рождеством, будь оно неладно!

— Детектив Риццоли в доме?

— Да, они там с Фростом делают видеозапись. — Он указал на здание, где во всех окнах горел свет, — приземистый домик, втиснутый между более старыми обветшалыми строениями. — Наверно, они уже готовы к вашему приходу.

Тут до слуха Мауры донеслись какие-то странные звуки — будто бы кого-то сильно рвало. Она бросила взгляд на улицу и увидела светловолосую женщину: та стояла, склонившись к сугробу и подобрав полы длинного пальто, чтобы не испачкать его рвотой.

Патрульный брезгливо фыркнул. И тихонько сообщил Мауре по секрету:

— Из этой выйдет детектив что надо, особенно по убийственным делам. Прямо как из «Кегни и Лейси»¹ сбежала. Все командовала тут. Настырная такая. А после заходит в дом, глядит одним глазком... ну а дальше вон — выскакивает, и на тебе... прямо на снег. — Он расхохотался.

— Я ее раньше не видела. Она что, из отдела убийств?

— Слышал, ее только недавно перевели из отдела по борьбе с наркотиками и проституцией. У них там в комиссариате возникла замечательная идея набрать побольше девиц. — Он покачал головой. — Хотя нет, она тут не задержится. Помяните мое слово.

Женщина-детектив вытерла рот и неуверенно двинулась к ступеням крыльца — там ее снова вырвало.

— Эй, детектив! — кликнул патрульный. — Может, вам держаться подальше от места преступления? Тошните себе

¹ «Кегни и Лейси» — популярное полицейское телешоу на канале Си-би-эс в 1982–1988 гг.

на здоровье, только, по крайней мере, не там, где собирают улики.

Стоявший рядом молоденький полицейский хихикнул.

Блондинка резко повернулась, и в свете огней патрульной машины мелькнуло ее мертвенно-бледное лицо.

— Пойду лучше посижу в машине, — пробормотала она.

— Да уж. Так-то оно лучше, мэм.

Маура наблюдала, как женщина-детектив отступила в тень своей машины. И подумала: «Что же такое ужасное меня там ожидает?»

— Док! — позвал детектив Барри Фрост.

Он секунду назад вышел из дома и стоял на крыльце в ветровке, втянув голову в плечи. Его светлые волосы топорщились, словно он только что с постели. Лицо у него всегда было землистого оттенка, а в желтоватых отблесках висевшего на крыльце фонаря оно казалось и вовсе болезненным.

— Как я понимаю, дело совсем дрянь, — предположила Маура.

— Не то, что ожидаешь увидеть на Рождество. Вот я и подумал: лучше выйти и малость подышать.

Маура остановилась на нижней ступеньке, заметив на припорошенном снегом крыльце беспорядочные следы.

— Ничего, если я пройду?

— Да. Тут наследили только наши, полицейские.

— А как насчет отпечатков по делу?

— Почти ничего.

— Он что, в окно впорхнул и выпорхнул?

— Похоже, тщательно прибрал за собой. Остались следы от метелки.

Она нахмурилась:

— Преступник обращает внимание на детали.

— Ты погляди, что там внутри.

Маура поднялась по ступеням, натянула на ноги бахилы, а на руки перчатки. Вблизи Фрост выглядел еще хуже: на исхудалом лице ни кровинки. Однако он вздохнул и весело предложил:

— Могу проводить.

— Не стоит, побудь лучше на воздухе. Риццоли все покажет.

Фрост кивнул, не глядя на нее: он уставился на улицу с таким напряженным видом, как будто его с души воротило, а он держался из последних сил. Маура оставила его бороться с самим собой и взялась за круглую дверную ручку. Она приготовилась к худшему. Надо же, только что она подъехала в полном изнеможении и тщетно пыталась проснуться, а теперь вот нервы у нее так накалились, будто по ним прошел разряд тока.

Маура ступила в дом. Остановилась, чувствуя, как заколотилось сердце, и оглядела не предвещавшую ничего тревожного обстановку дома. В передней — обшарпанный дубовый пол. Через дверной проем видна гостиная, обставленная дешевенькой, плохо подобранной мебелью: диван-кровать с продавленным матрасом-периной, кресло с большой круглой подушкой, набитой полистиролом, книжный шкаф, собранный частью из широких обшивочных досок, частью из цельных секций. Ничего такого, что напоминало бы место преступления. Но самое страшное было впереди; она знала, страх затаился здесь, в доме, — это было видно по глазам Барри Фроста и мертвенно-бледному лицу той блондинки, детектива.

Маура прошла через гостиную в столовую и увидела сосновый стол с четырьмя стульями. Однако ее внимание привлекла не мебель, а столовые приборы, расставленные как будто для семейного ужина. На четверых.

Одна широкая тарелка была накрыта льняной салфеткой, забрызганной кровью.

Маура осторожно дотронулась до салфетки. Приподняла за краешек, взглянула на то, что лежало под нею, на тарелке. Затем вдруг бросила салфетку и с тяжким вздохом отпрянула.

— Вижу, нашла кисть левой руки, — послышался чей-то голос.

Маура резко обернулась:

— Фу ты черт, как же ты меня напугала!

— Хочешь испугаться по-настоящему? — сказала Джейн Риццоли. — Тогда пошли.

Она повернулась и повела Мауру через коридор. Джейн, как и Фрост, выглядела так, будто только что встала с постели. Слаксы мятые, темные жесткие волосы спутаны. Правда, в отличие от Фроста, держалась она мужественно и бойко — ее ботинки в бахилах так и шуршали по полу. Из всех детективов, регулярно навевывавшихся в секционный зал, пожалуй, только Джейн и отваживалась близко подходить к столу, чтобы получше разглядеть, что на нем, — вот и сейчас она двигалась по коридору с обычной решимостью. Маура шла следом, опустив голову, и рассматривала брызги крови на полу.

— Держись этой стороны, — попросила Джейн. — Тут остались нечеткие следы, ведут в обоих направлениях. Похоже, от спортивных ботинок. Они едва заметны, и я не хочу ничего затирать.

— Кто сообщил об убийстве?

— Звонили девять-один-один. Сразу после полуночи.

— Откуда?

— Прямо отсюда.

Маура нахмурилась:

— Жертва? Может, пыталась позвать на помощь?

— На линии молчали. Кто-то просто набрал номер и не положил трубку. Первая машина подоспела минут через десять после звонка. Патрульный увидел, что дверь не заперта, зашел в спальню — и пулей обратно.

Джейн остановилась у дверного проема и глянула на Мауру через плечо. Взгляд-предостережение.

— Ну вот, самое страшное — здесь.

«Отрезанной кисти было достаточно, чтобы напугаться».

Джейн посторонилась, позволив Мауре заглянуть в спальню. Жертвы видно не было — кругом была только кровь. В среднем в теле человека ее содержится литров пять. Такого же количества красной краски хватило бы с лихвой, чтобы выкрасить небольшую комнату от пола до потолка. Когда Маура заглянула в дверной проем, больше всего ее поразили невероятные брызги в форме длинных узких дорожек, оставленные рукой какого-то безумца на белых стенах, мебели и белье.

— Артериальная, — заметила Риццоли.

Маура лишь молча кивнула, разглядывая дугообразные кровавые подтеки — кошмар, описанный красным на стенах. Однажды, еще на четвертом курсе медицинского факультета, она стажировалась в отделении неотложной хирургии и видела пациента с огнестрельным ранением, истекавшего кровью на травматологическом столе. У того пациента резко упало кровяное давление, и хирург-стажер с отчаяния начал срочно проводить лапаротомию, надеясь остановить внутреннее кровотечение. Когда он разрезал живот, из брюшной полости фонтаном ударила артериальная кровь и забрызгала халаты и лица других врачей. И в последние лихорадочные секунды, пока они производили откачку и обрабатывали рану стерильными полотенцами, Маура не замечала ничего, кроме крови. Ее лоснящегося глянца и мясного запаха. Она потянулась к брюшной полости, чтобы взяться за ранорасширитель, и тут почувствовала сквозь рукава халата тепло — оно подействовало на нее как успокаивающая ванна. В тот день в операционной Маура впервые увидела, какую сильную струю крови вызывает даже самое слабое артериальное давление.

И сейчас, когда она осматривала стены спальни, ее внимание снова привлекла кровь, которая запечатлела последние мгновения жизни жертвы. «Когда был сделан первый надрез, сердце жертвы еще билось и нагнетало кровяное давление». Туда, на стену, прямо над кроватью, и ударила дугой, точно из пулемета, первая струя крови. Затем, после нескольких сильнейших толчков, дугообразные струи стали ослабевать. Тело, должно быть, пыталось компенсировать падающее давление — артерии сжимались, пульс учащался. Но с каждым сокращением сердца жертва теряла все больше крови, приближая свою смерть. Когда же наконец давление совсем упало и сердце остановилось, кровотечение почти прекратилось — из тела вытекли последние капли крови. Явление смерти — вот что прочла Маура на стенах и на кровати.

Потом ее взгляд остановился — замер, различив среди всех этих кровавых брызг нечто такое, чего она сперва не заметила. То, от чего у нее по спине вдруг пробежали мурашки. На одной из стен виднелись три перевернутых креста, нарисованные кровью. А под ними — какие-то загадочные знаки:

— Что это значит? — тихо спросила Маура.

— Понятия не имеем. Вот бьемся, пробуем разгадать.

Маура не могла отвести глаз от надписи. К горлу подступил комок.

— Что это, черт возьми, за шарада?

— погоди, тут есть еще кое-что. — Джейн обошла кровать с другой стороны и указала на пол. — А вот и жертва. Вернее, большая ее часть.